

Василий Аксенов
(1932–2009)

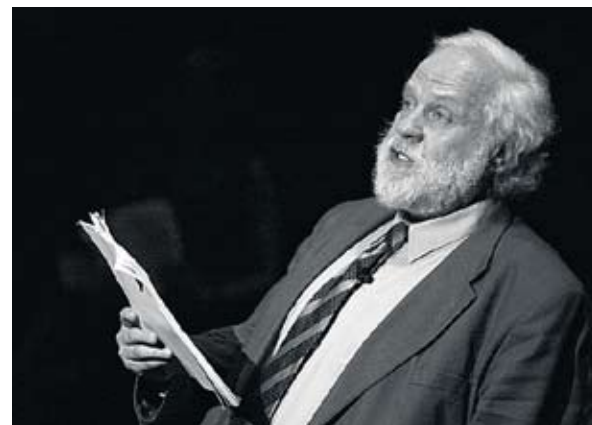
Александр Межиров
(1923–2009)

Евгений Сабуров
(1946–2009)

Михаил Поздняев
(1953–2009)

Петр Вайль
(1949–2009)

да Йейтса, если бы этот перевод не был так плох. Книга вышла у нас одновременно с премьерой экранизации с Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет в главных ролях и с минимальным отставанием от всплеска популярности и массовыми переизданиями произведений этого замечательного, но забытого американского прозаика у него на родине. Дальше выходило достаточное количество иностранной прозы, чтобы мы жили в комфортном состоянии включенности: «Круг замкнулся» Джонаатана Коу, «Биография Шекспира» Питера Акройда, «Тишина» Питера Хега, «Музей невинности» Орхана Памука, «Читать не надо!» Дубравки Угрешич, «Ружья, микробы, сталь» Джареда Даймонда, «Жалость» Тони Моррисон, «Измеряя мир» Даниеля Кельмана. С этим приятным чувством мы и проживаем, несмотря на досадные недоразумения вроде тех, что качество перевода не дает даже приблизительно оценить уровень прозы, а благодаря маркетинговому подходу наших книжных магазинов многие из этих книжек отыскать в них просто невозможно.

Победой года можно назвать «Чертовое колесо» Михаила Гиголашвили: длинный роман о тбилисских наркоманах 1980-х, написанный автором в два присеста — с двадцатилетним перерывом. Это, без-

условно, выделяющийся на нынешнем прозаическом фоне текст. В нем в отличие от большинства теперешних романов нам рассказывают о людях — без всяких фокусов, метафор и попыток обобщения.

Другое дело, что практически все герои «Чертова колеса» — люди слабые, запутавшиеся, обреченные, измученные морфием или его отсутствием. Искалеченные прежним советским устройством и приходящим ему на смену дурацким порядком (поэтому их не очень жалко). Или, наоборот, жестокие, даже безжалостные, озверевшие от ощущения защищенности «погонами, местом, оружием, властью» (поэтому за них не радостно). Но какие бы они ни были и какие бы малопрятные, а подчас отвратительные поступки они ни совершали, в каждом из них имеется что-то человеческое.

Все дело в оптике: Гиголашвили видит людей на том самом месте, где очень многие увидят лишь копошащихся насекомых. С наркоманами и бандитами, к наличию у которых богатого внутреннего мира нас во многом уже приучил, например, современный кинематограф (и отчасти тот же Ирвин Уэлш), в этом смысле дело обстоит даже не так сложно. Фокус с коррумпированным, закрывшимся милиционером, способным на подлог и шантаж, куда трудней. Но у автора «Чертова колеса» получается.

Успех года — «Подстрочник» Лилианны Лунгиной. Причем объяснить это явление невозможно никакими рыночными механизмами. В монологе Лунгиной — что телевизионном, что печатном — не было ничего сенсационного, никаких «тайн и загадок истории». Только обычные человеческие лицо и голос, совершенно негероические, но вызывающие абсолютное доверие. Так же вышло и с книгой Максима Осипова «Грех жаловаться»: благодаря его очеркам о жизни провинциальной больницы мы словно лично познакомимся с самим автором — и потому верим его соображениям вообще о жизни и о людях. Оказалось, что именно это нам нужнее всего — чтобы нашелся человек, не глядящий на жизнь сквозь розовые очки, не прекрасодушный, отвечающий за свои слова прожитой или проживаемой жизнью, и чтобы этот человек нам сказал: или, как Лунгина, что нужно надеяться и верить в то, что даже очень плохие ситуации могут неожиданно обернуться совсем другой стороной и привести к хорошему, или, как Осипов, что все не так страшно, надо не жаловаться, а работать, — то есть чтобы нашелся человек, который бы решил нам не отчаиваться.

В этом году завершился самый азартный литературный проект последних лет — история с незаконченной рукопи-

сью набоковского романа «Лаура», с 1977 года хранившейся в сейфе швейцарского банка. Действующими лицами в этой истории были сам Набоков, который завещал сжечь карточки с недописанным романом, его сын Дмитрий, который несколько лет дразнил публику таинственными фразами о «самом концентрированном экстракте» набоковского творчества и туманными угрозами выполнить отцовскую волю и сжечь рукопись, и сама публика, которая ахала и охала то в предвкушении заgrabного шедевра, то в ужасе от того, что этот шедевр вот-вот сторит. Все эти намеки и угрозы должны были как можно выше взвинтить не только читательский интерес к тексту, но и цену на саму рукопись. Но, прочитав наконец вождельные 138 карточек, публика, кроме самых преданных поклонников, которым равно дорого любое слово гения, оказалась разочарована; и в итоге Дмитрию на аукционе Christie's за оцененную в \$400–600 тыс. рукопись предложили лишь \$280 тыс., и она была снята с торгов. Таким образом, обманув ожидания публики насчет романа, Дмитрий все-таки подарил ей настоящую набоковскую историю — разыграв с ее помощью и с ее прямым участием сюжет о неудачливом авантюристе, который долго обрабатывает простофиль в надежде на финальный приз — и потом этот приз не получает.